

ТОЛОСА ЗЕМЛИ

СВЕТЛАНА КАЧАЛОВА

Светлана Качалова

Голоса Земли

<https://litres.ru/74129817>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если древние легенды — не просто сказки? Что, если зеркало в старой прихожей действительно помнит всех, кто в него смотрелся? Что, если под половицами дачного дома стучит не ветер, а детские кости? Что, если в заброшенном колодце журчит не вода, а память?

Шестнадцать историй, вошедших в этот сборник, переносят читателя в пограничье между мирами — туда, где кельтские короли сражаются за сердце лета, славянская полудница загадывает загадки, а лунный заяц предлагает сделку, цену которой ты узнаешь слишком поздно. От ирландских холмов до африканских саванн, от карельских лесов до разрушенного Дамаска — каждая история вырастает из древнего мифа и говорит с читателем на языке, который понятен каждому: о любви и памяти, о страхе и надежде, о потерях и возвращениях. Это книга для тех, кто слышит тишину. Для тех, кто верит, что у каждого дома есть душа, у каждой воды — голос, а у каждой нити — конец, который ведёт к началу. Закройте глаза. Прислушайтесь. Голоса земли уже звучат.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Светлана Качалова

Голоса Земли

Глава

Сборник фольклорных рассказов
ГОЛОСА ЗЕМЛИ

Вступительное слово

Говорят, что у каждого народа есть свои духи, свои легенды, свои тропы между мирами. Но если прислушаться, все они говорят об одном: о любви и памяти, о потерях и возвращениях, о тишине, которая звучит громче слов, и о голосах, которые не исчезают, даже когда их перестают слышать. В этом сборнике собраны шестнадцать историй, вдохновлённых фольклором разных народов – от кельтских холмов до африканских саванн, от славянских лесов до восточных рынков. Каждая история – это попытка услышать то, что звучит под словами. То, что остаётся, когда всё остальное уходит. То, что глубже, чем кажется.

Светлана Качалова

Хранительница лета

Кельтский миф о Лите, празднике летнего солнцестояния. В самую короткую ночь Дубовый Король передаёт власть Падубовому, а граница между мирами истончается – и смертный может вмешаться в извечный порядок.

Нара приехала в Килморскую долину не только за голосами мёртвого языка. Она приехала сюда умирать – не телом, так памятью. Год назад на мокрой трассе погиб Дарах, и с тех пор она таскала внутри себя пустоту, которая не заполнялась ни работой, ни полевыми экспедициями, ни долгими прогулками вдоль дублинских набережных. Всё, что осталось от неё прежней, – диктофон, блокнот и кольцо на цепочке под рубашкой. Старуха Бригит, у которой она снимала комнату, говорила о Лите так, будто это была не дата в календаре, а дверь, которую приотворяет само солнце. Пахло в её доме живым дымом, мокрой шерстью и мёдом – совсем не так, как в архивах. Нара включила диктофон и положила его на стол, но Бригит покосилась на красный огонёк записи и усмехнулась: «Твоя машинка не поможет, девочка. То, о чём я говорю, на плёнку не ложится». – «Почему?» – «Потому что Древний народ не любит, когда за ними подглядывают через стёкла и провода. Они либо прячутся, либо ломают. Проверено». Нара из вежливости выключила диктофон, но блок-

нот оставила открытым.

– Не ходи к кургану, – сказала Бригит, протягивая веточку с мелкими жёлтыми цветами. – В самую короткую ночь они ищут глаза. Нара взяла веточку, повертела в пальцах. Зверобой. По-ирландски – Allas Muire, трава Богородицы. – Расскажите про королей. – Два брата, два дерева. Дуб и Падуб. Один правит от Йоля до Литы, другой – от Литы до Йоля. В самую короткую ночь они бьются на поляне у сида, и один передаёт другому сердце лета. А потом костры гасят, и колесо катится дальше. – И каждый год одно и то же? – Не всегда. Иногда смертные вмешиваются. Тогда лето может не кончиться вовсе. Или зима придёт раньше срока. Баланс – штука хрупкая. Дубовый Король устаёт к лету, он слабеет. Но бывает – не хочет уходить. И тогда ищет, кому бы доверить половину короны. – Половину короны? – Жёлудь. Живое сердце лета. Если Дубовый не передаст его Падубовому – равновесие рухнет. Лето будет вечным, земля истощится, реки пересохнут. А если передаст не тому... – Бригит не договорила, только перекрестилась и сплюнула в огонь. – Не ходи к кургану, говорю. Особенно ты. – Почему «особенно я»? – Потому что пустых они чувт сразу. А ты пустая, девочка. Я вижу. – Бригит посмотрела на неё долгим взглядом, и Нара вдруг поняла: старуха не осуждает. Она просто знает, что пустота – это тоже часть жизни, и из неё всё когда-нибудь вырастает заново. – И ещё запомни: они не боги и не демоны. Они – те, кто был здесь до нас. Им нет дела до добра

и зла, только до смены сезонов и соблюдения правил.

Нара хотела возразить, но слова застряли в горле. Она сунула зверобой в карман, взяла диктофон – на всякий случай – и вышла в сумерки. Улица встретила её молчанием: пять домов, колодец с покосившимся срубом, ржавый указатель на Корк. В окне крайнего дома горела свеча, хотя электричество в деревне было, а старуха в чёрном платке сидела на пороге и перебирала чётки, не глядя на Нару – будто знала, куда она идёт. Нара поёжилась и зашагала к пустоши. Курган стоял в миле от деревни, поросший вереском и колючим тёрном, и солнце висело над морем золотой каплей, никак не желая упасть за горизонт. Воздух был густой и сладкий, пахло нагретой травой и диким тимьяном, а птицы замолкли разом, будто кто-то выключил звук. Нара подошла к холму, заросшему папоротником и мхом, села на камень, включила диктофон и приготовилась ждать – не из научного любопытства, скорее из равнодушия. Если они действительно существуют и могут забрать её память, может, это и к лучшему.

В полночь курган задышал. Земля на вершине пошла рябью, как вода от брошенного камня, и в воздухе проступила щель между слоями реальности, откуда пахло холодом, сырой землёй и чем-то древним, чему Нара не могла подобрать названия. Она подняла диктофон, нажала запись – и аппарат в её руке захрипел, защёлкал и выключился, экран погас. Нара убрала его в карман и стала смотреть. Первыми вышли музыканты – она не видела их, но слышала тонкую,

звнящую мелодию, от которой хотелось то ли плакать, то ли идти на звук, забыв себя, и Нара стиснула зубы, вцепилась в камень. Потом появилась свита Холмового народа – высокие, бледные, с глазами цвета сумеречного неба, в одеждах из тумана и паутины, и они не шли, а скользили, как отражения в чёрной воде. За ними, окружённый сиянием, ступал Дубовый Король – измождённый, не могучий воин, а дерево на исходе сил. Кожа его была корой, в трещинах сочился золотой сок, волосы – пожухлая листва, заплетённая в косы, а глаза – два жёлудя, горящие тихим, ровным светом. Он шёл с трудом, опираясь на посох из корня дуба, и каждый шаг отдавался в земле глухим стоном, а Нара смотрела на него и чувствовала странное родство: он тоже умирал, тоже был на исходе.

Падубовый Король вышел с другой стороны поляны – стройный, гибкий, в тёмно-зелёном плаще с алыми ягодами остролиста, и корона из острых листьев впивалась ему в лоб, но он не замечал боли. Глаза его были глазами зимнего волка – бледно-серые, терпеливые, знающие, что тьма всегда побеждает. – Ты устал, брат, – сказал Падубовый, и голос его был шорохом снега. – Я правил честно, – ответил Дубовый, и голос его был шелестом листвы. – Семя брошено, урожай взойдёт. Забирай свой срок. – Отдай сердце лета, и я отпущу тебя на покой. Дубовый Король выпрямился, и Нара увидела, как в его груди забился свет – маленькое золотое солнце, жёлудь размером с кулак. Он положил посох на землю,

и они с Падубовым сошлись в центре поляны, но это не было боем на мечах – скорее танец, обмен ударами, которые не оставляли ран, но выпивали свет. Дубовый защищался из последних сил, его движения были медленными, как сон дерева под снегом, а Падубовый наступал – быстрый, точный, неумолимый. – Я не враг, – проговорил он, и голос его прозвучал почти мягко. – Без меня поля не отдохнут, деревья не сбросят листву, земля истощится и умрёт через три года. Я не убиваю лето, Дуб. Я даю ему покой. Ты держишься за жизнь, которой пора уйти.

Дубовый пошатнулся и упал на одно колено. Падубовый замер, протянул руку за жёлудем – и тогда Дубовый Король повернул голову и посмотрел прямо на Нару. Она застыла: его глаза-жёлуди горели предсмертной, отчаянной надеждой, он не мог говорить, силы уходили, как вода в песок, но взгляд был красноречивее слов. «Ты здесь. Ты пустая. Я тоже. Я не хочу уходить в небытие. Сохрани это до зимы. Сохрани меня – и, может быть, мы оба оживём». Он разжал ладонь, и жёлудь покатился по траве, оставляя дорожку из золотых искр, а Падубовый Король взревел – звук, похожий на треск льда на реке, – но было поздно. Нара, сама не понимая, что делает, наклонилась и подняла жёлудь, вернее – она понимала, но не умом: ей казалось, что если она даст этой золотой искре угаснуть, то и сама угаснет окончательно, а если удержит – может, научится заново жить. Жёлудь был горячим и живым, он стучал, как сердце пойманной птицы.

– Отдай, – прошелестел Падубовый Король, делая шаг к ней. Свита замерла, музыканты смолкли. – Ты не знаешь, что держишь, смертная. Это не сокровище, это бремя. Если лето не кончится, земля сгорит. Ты хочешь погубить всех ради одного умирающего короля? Нара попятилась, сжимая жёлудь обеими руками, и слова Бригит звенели в голове: «Если Дубовый не передаст сердце лета Падубовому – равновесие рухнет». Но Дубовый сам отдал его ей, и, может быть, он чувствовал то же, что и она: что покой – это не всегда благо, и что иногда нужно отчаянно цепляться за жизнь, даже если все правила против. – Я сохраню, – прошептала она. – До зимы. Я обещаю. – Ты не донесёшь, – голос Падубового стал жёстким. – Мои гончие найдут тебя, моя свита окружит тебя. Ты не знаешь троп. – Зато я знаю правила, – сказала Нара и побежала.

Лес вокруг менялся с каждым шагом: тропинки ветвились и уводили обратно к холму, она узнала замшелый камень, который уже проходила пять минут назад, а деревья перешёптывались на языке, которого она не знала. Из-под корней выглядывали бледные лица, детские и старые одновременно, и во рту стоял металлический привкус страха – так бывает, когда долго бежишь и сердце колотится где-то у горла. Нара вспомнила слова Бригит: «Не принимай даров», – и вовремя, потому что прямо на тропе, поперёк пути, появился поднос с хлебом и чашей молока. Хлеб дымился, молоко пахло сладко, по-домашнему, и желудок Нары скрутило голодом,

но она перешагнула поднос и пошла дальше. Через сотню шагов воздух наполнился музыкой – той самой, что она слышала у холма, – и впереди, на поляне, кружился хоровод: высокие бледные фигуры в тумане и паутине, и в их движении было что-то настолько завораживающее, что ноги Нары сами понесли её в круг. Она уже сделала шаг, уже протянула руку к ближайшей фигуре – и вдруг та повернула голову: лицо было человеческим, бледным, измождённым, но живым, женщина, почти старуха, с седыми космами и глазами, в которых ещё теплилась память. «Не останавливайся, – прошелестела она одними губами. – Беги. Не становись мной». И в тот же миг жёлудь в ладони Нары сжался резко, жгуче, посылая в пальцы горячую волну, боль отрезвила, и Нара отшатнулась, вырвала взгляд из хоровода и побежала прочь, слыша за спиной тонкий разочарованный смех – и ещё чей-то тихий, благодарный выдох.

– Нара. Она обернулась, и сердце остановилось: на тропе, среди папоротников, стоял Дарах – высокий, русый, в том самом сером свитере, который она подарила ему на Рождество три года назад. Его глаза были живыми, тёплыми, точно такими, как она помнила каждую минуту после его гибели, и пахло от него тем самым дешёвым кофе, который он всегда пил на заправке в то утро, в то самое утро, – она узнала бы этот запах из тысячи. – Иди ко мне, – сказал он. – Замёрзнешь. Хватит уже, Нара. Пойдём домой. Она замерла: в горле встал ком, всё внутри кричало – шагни, обними, сдайся.

Она уже сделала полшага – и вдруг жёлудь в ладони изменился: не обжёг, а похолодел, стал ледяным, тяжёлым, мёртвым, словно сама жизнь внутри него сжалась в испуге, узнав прикосновение того, что уже ушло. Нара остановилась, разжала пальцы, посмотрела на жёлудь – он лежал на ладони тёмный и холодный, как камень, – а когда подняла глаза, на тропе уже никого не было, только папоротник качался, хотя ветра не было.

Она стояла долго, смотрела на пустую тропу, на гнущийся папоротник, на холодный жёлудь в руке. Мёртвые не возвращаются – они только приходят попрощаться и уходят, когда ты наконец отпускаешь. Нара закрыла глаза, выдохнула – медленно, словно впервые за год, – и пошла дальше. Жёлудь в ладони снова начал теплеть – сначала едва заметно, потом сильнее, а когда Нара свернула в сторону старой часовни, он стал горячим, почти жгучим, словно тянул её вперёд, указывая путь. Чем ближе к освящённой земле, тем ярче он пульсировал, и Нара поняла: это ориентир, компас живого лета. Она вышла к часовне, когда ночь начала отступать, и дуб стоял у покосившейся каменной стены, его корни уходили глубоко в землю, а крона накрывала погост, как зелёный шатёр. Жёлудь в ладони полыхнул последний раз – ободряюще, почти прощально – и затих, будто уснул, а Нара упала на колени и руками разрыла мягкую землю, смешанную с прошлогодними листьями. – Спи, зелёный король, до тёмного солнца, – прошептала она. – Я вернусь. Обещаю. Она поло-

жила жёлудь в ямку, накрыла корой и присыпала землёй, и в тот же миг где-то за холмом ударил гром – коротко, резко, словно лёд на реке раскололся. Падубовый Король признал её право – или просто принял, что проиграл этот раунд.

Нара села, прислонившись спиной к дубу, и закрыла глаза. Короткая ночь кончилась, небо на востоке наливалось розовым, первый луч солнца упал на её лицо, и она заплакала – не от горя, а от странного, непривычного тепла внутри. Слезы текли по щекам, и она чувствовала их соль на губах – первую живую соль за год, а там, где прежде была пустота, теперь что-то пульсировало, что-то живое. Её нашли утром грибники – спящую под дубом, грязную, с обожжённой ладонью, и Бригит пришла, посмотрела на след ожога, на свежую землю у корней, на рассыпавшийся в пыль зверобой. Нара молчала, не зная, как объяснить, но Бригит взяла её за руку, повернула ладонью вверх, провела пальцем по красному следу – и Нара вдруг заметила на её собственной ладони такой же, только выцветший, почти заживший. – Стало быть, выбрал тебя, – сказала Бригит негромко. – Я так и думала. До декабря теперь твоя ноша, девочка. Приедешь на Йоль – покажу, как правильно семя отдать. А пока живи.

Нара уехала из Килморской долины через три дня. В поезде она достала диктофон, нажала воспроизведение последней записи – и услышала только шум ветра, далёкий треск, похожий на лёд на реке, и тишину, ни голосов, ни музыки. Она стёрла запись, не колеблясь, потому что некоторым ве-

щам не место в архивах – их закапывают под дубом и обещают вернуться. Вместо этого она открыла календарь в телефоне и поставила пометку на 21 декабря: «Вернуть сердце лета», – а потом подумала и добавила ещё одну, на 22 июня следующего года: «Проверить жёлудь». Дуб у старой часовни встретил её записку молчаливым согласием, и где-то под его корнями, в мягкой земле, спало лето – живое, горячее, доверчивое. Нара набрала последние слова и замерла – ей вдруг показалось, что жёлудь там, под землёй, сжался во сне, или это её собственное сердце сжалось и разжалось, и теперь она не всегда различала их. И впервые за долгое время это было не страшно – это было правильно. Она убрала телефон, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, а за окном проплывала Килморская долина – зелёная, живая, полная шороха листвы и золотого света. Пустота внутри не исчезла – но она больше не была пустотой, она была землёй, и в этой земле спало лето, ожидая декабря.

По ту сторону стекла

Славянские святочные гадания с зеркалом. Если в полночь зажечь свечу и смотреть в зеркальный коридор, можно увидеть суженого – или того, кто смотрит на тебя с той стороны.

Зеркало было старым. Оно висело не на гвозде – вросло в стену, будто глазница в череп дома, и оплывшая амальгама собиралась по углам тёмными сгустками, а лицо в нём казалось чужим: старше, резче, с провалами вместо глаз. Когда Вера впервые увидела его в полутьме прихожей, то поёжилась и хотела завесить, но рука не поднялась – дом был бабушкин, зеркало бабушкино, и выносить его было некуда, да и незачем. Ей вообще было незачем с тех пор, как полгода назад Костя не вернулся из рейса – паромного, короткого, Петербург-Хельсинки, – но что-то случилось в ночном переходе, и теперь на тумбочке стояла его фотография, а на полке пылились ключи от его квартиры, которые она не могла заставить себя отдать его матери. И ещё – кольцо на цепочке под рубашкой, серебряное, без камней, которое он надел ей за месяц до того рейса, и она не снимала его даже на ночь: оно холодило кожу и напоминало, что она ещё жива, хотя иногда ей казалось, что это неправда. Вера переехала в бабушкин дом за город – не отшельником, а просто подальше

от города, от вопросов и от собственного отражения в витринах, стёклах автобусов, тёмных экранах телефона, и здесь зеркало было одно. На подоконнике в кухне лежал высохший веник, перевязанный красной ниткой – бабушка так делала от сглаза, а может, просто забыла выбросить, и Вера не трогала его и сама не знала почему. Зеркало не пугало. Оно ждало.

Святочная неделя выпала бесснежной, серой, и Вера забыла, какой сегодня день – дни слиплись в один бесконечный вторник, – а когда соседка тётя Галя занесла кутю, она спохватилась: святки. Кутя была сладкой, с мёдом и маком – Вера машинально взяла ложку, но ставить чайник не стала, просто положила ложку на край банки и так и оставила на столе, глядя в окно, где мак блестел в мёде. – Святки, матушка, святки, – пропела тётя Галя, перекрестилась на дверной косяк и зыркнула на зеркало. – Ты это, девонька, зеркала-то не забудь завесить, а то мало ли кто заглянет. И ушла, шаркая валенками по мёрзлому крыльцу. Вера вспомнила бабушкины рассказы: в эти ночи зеркала открываются, и если сесть в темноте со свечой и смотреть, не отрываясь, можно увидеть суженого – или то, что тебе суждено, или то, что хочет быть увидено. Бабушка ещё добавляла: «Только не засиживайся, Верунь. С той стороны тоже смотрят, и если увидят тебя – могут запомнить, а запомнив – придут, не за свечой, так за тобой. И ещё запомни: зеркало не врёт, оно только показывает, но что покажет – выбирает само, в том и ловушка». Она

не верила в это, конечно, — не верила в суженых, в гадания, в зеркальные коридоры, но вера в такие вещи и не нужна, достаточно одиночества и тёмного дома, в котором не с кем говорить. Достаточно одного вопроса, на который никто не ответил: почему он не вернулся, был ли он вообще — или она сама придумала его, их год, их планы? И ещё одного вопроса, который она боялась задать даже себе: любил ли он её — или просто плыл по течению, а она оказалась удобным берегом?

Свеча нашлась в кухонном ящике — толстая, хозяйственная, без романтики, и Вера зажгла её, выключила свет и села перед зеркалом. Пламя дрогнуло, отразилось в стекле двумя точками, и вторая свеча зажглась там, в зазеркалье, а между ними вытянулся коридор: бесконечный ряд огоньков, уходящий в темноту. Она смотрела — сначала только на себя, на бледное лицо, сжатые губы, тени под глазами, а за ней — тёмная прихожая, силуэт вешалки, квадрат окна с мутным зимним небом, и ничего необычного. Пламя горело ровно, время шло — пять минут, десять, и Вера уже хотела задуть свечу и лечь спать, когда заметила: её отражение моргнуло чуть позже, чем она сама, — почти незаметно, как задержка видео на долю секунды. Она закрыла глаза — открыла, и отражение повторило движение, но не сразу, будто там, в стекле, кто-то ждал сигнала, и она перестала дышать. Отражение смотрело на неё: глаза были её — но не её, взгляд был тяжёлый, оценивающий, как смотрят на незнакомца в транспорте, без вражды, но и без тепла. — Кто ты? — прошептала Вера, но её губы

не шевельнулись, а отражение молчало. Что-то изменилось в глубине коридора – третья свеча, самая далёкая, мигнула и приблизилась на один шаг, потом ещё на один, и Вера поняла: это не свеча движется, это кто-то идёт по коридору отражений с той стороны. Она должна была задуть свечу – бабушка говорила: «Если кто-то начнёт приближаться – сразу гаси», – но она не могла, пальцы примёрзли к столу, коридор удлинялся и сужался одновременно, воронкой затягивая её взгляд вглубь, и оттуда, из бесконечности, шла фигура. Воздух в прихожей начал холодеть – медленно, неумолимо, будто в доме открыли дверь в погреб. Сначала – силуэт, потом – человек, мужчина, высокий, русый, в свитере, и Вера вскрикнула: это был Костя, не просто похож – он, с его походкой, плечами, левым карманом, оттопыренным ключами. Он шёл к ней через зеркальный коридор, и лицо его было живым, тёплым, настоящим.

– Костя, – выдохнула она и протянула руку, но пальцы коснулись холодного стекла и остановились, потому что Костя не улыбнулся. Он смотрел на неё, но в глазах его мелькнуло что-то странное – не любовь, не тоска, а деловитость, как тогда, когда он собирался сообщить что-то, что ей не понравится, и заранее готовил оправдание. – Ты не он, – сказала Вера. – Костя так не смотрел. Он – или тот, кто носил его лицо, – наклонил голову и заговорил, и голос был Костин, глуховатый, с хрипотцой, но слова были чужими, старыми, будто с другой эпохи. – Я тот, кого ты зовёшь. Ты смотрела в

стекло и думала о нём. Вот он. Открой. – Что открой? – Себя. Дверь. Зеркало. Оно тонкое. Ты даже не заметишь – просто шагнёшь, и всё. Здесь он. Здесь нет разлук. Стекло под пальцами пошло рябью, как вода, и Вера почувствовала, как её тянет вперёд – мягко, неотвратно, а Костя, или не-Костя, протянул руку с той стороны, и ладонь была настоящая: линии, шрам на большом пальце от консервной банки. Вера уже подалась вперёд, но что-то – интуиция или бабушкино предупреждение – заставило её замереть. – Сначала скажи, – произнесла она. – Почему он не вернулся? Существо замерло, и лицо Кости дёрнулось – мышцы на долю секунды забыли, как складываться в человеческое выражение. – Ты правда хочешь знать? – спросило оно. – Да. – Он плыл не к тебе. Он плыл к другой. В Хельсинки его ждали – не рейс, женщина. Он вёз ей кольцо, такое же, как твоё. Паром качнуло, он упал, ударился головой – и всё. Ты была не единственной, ты была удобной, и пока он был здесь, ты ждала, а он плыл дальше.

Вера молчала, воздух в прихожей стал густым и колючим, кольцо под рубашкой обожгло кожу холодом – или это ей показалось? Во рту появился горький, металлический привкус, как будто она прикусила язык. – Ты лжёшь, – сказала она. – Я не умею лгать, но и всей правды не говорю. Не потому что скрываю – а потому что правда большая, а время короткое. Я только ношу лица и вижу то, что за ними. Хочешь – покажу: шагни, и ты увидишь его последний час, увидишь её лицо,

увидишь, как он улыбался, думая о ней. Это будет больно, но ты перестанешь ждать. Оно предлагало правду – не утешение, а правду, и Вера вдруг поняла: именно этого она и хотела все полгода, не вернуть его, не забыть, а узнать, даже если узнанное разрушит всё, что она помнила. – Бабушка говорила: «Если увидят тебя – могут запомнить», – прошептала она. – Ты запомнил меня? – Я запомнил всё, – ответило оно и улыбнулось. Улыбка была точь-в-точь Костина, но Вера вдруг поняла: она не его, он никогда не улыбался так – сыто, влажно, как будто уже получил то, за чем пришёл, а Костя улыбался иначе, уголком рта, словно извиняясь за свою радость. Этот улыбался в полную силу, и в улыбке не было ничего от человека. – Зачем тебе я? – спросила она. – Ты пустая, в тебе есть место, я заполню его. – Чем? – Им, мной – разницы нет, ты не узнаешь разницы, никто не узнает. Оно протянуло руку, ладонь упёрлась в стекло с той стороны, и стекло пошло рябью, а Вера смотрела на шрам на большом пальце – шрам был настоящий, точь-в-точь, – и вдруг поняла: существо не лгало о другой женщине, оно вообще не лгало, оно показывало правду, всю, без прикрас, и именно от этого хотелось зажмуриться.

Но прежде чем она отдернула руку, существо заговорило снова – тише, медленнее, и голос его на секунду утратил Костину хрипотцу. – Ты думаешь, я вор? – прошептало оно. – Я – зеркало, я только отражаю, я не могу без того, кого отражать, и без тебя я пустое, как стекло без лица. Мы одина-

ковые: ты держишься за мёртвого, я – за живых. Останься – и мы оба заполнимся. Вера замерла, и на мгновение лицо Кости стекло, как воск, а под ним проступило другое – не чудовище: усталое, старое, бесконечно одинокое лицо без рта, без голоса, без имени, и оно не говорило, оно смотрело, и в этом взгляде была просьба. А потом лицо снова собралось в улыбку и стало страшным, но Вера уже увидела, и что-то в ней дрогнуло. Она отдёрнула руку, пальцы оставили на стекле след – пять тёмных полос, как от мокрой земли, и след начал расползаться, затягивая отражение. Существо с той стороны прижало ладонь к стеклу – ровно напротив её следа, – и Вера увидела, что его рука не заканчивается запястьем, а уходит в темноту, в коридор отражений, в бесконечность, и там, в глубине, двигалось что-то огромное, бесформенное, голодное. И там же стояли другие: сотни лиц, молодых и старых, мужских и женских, и все они смотрели на неё, и все они – одновременно, беззвучно, как заученный ритуал – медленно поднимали руку и прижимали ладонь к невидимому стеклу, точь-в-точь как Костя за секунду до того, как она отдёрнула пальцы. Среди них мелькнуло одно лицо – молодое, девичье, с родинкой у левой брови, – и Вера вздрогнула: это лицо она видела на ориентировке пять лет назад, девушка пропала в их районе, и до сих пор никто не знал куда, но теперь Вера знала. – Ты не Костя, – сказала она. – Ты то, что живёт в зеркалах, ты носишь лица, как одежду, и ты одиноко, но я не хочу заполнять чужую пустоту своей.

Оно перестало улыбаться, и лицо Кости сморщилось, потекло, как воск, а под ним проступило другое – чужое, бледное, с провалами глаз и ртом, который не закрывался: существо, которое смотрит из всех зеркал сразу. – А ты кто без него? – прошипело оно. – Ты пустая, он был твоим лицом, без него ты никто. Но я показало тебе правду, я не солгало. Шагни – и ты увидишь всё до конца.

Вера посмотрела в темноту за его плечом – туда, где в коридоре отражений стояли другие, всё ещё прижимая ладони к невидимому стеклу. Она поняла: существо не лгало, зеркало не врёт, говорила бабушка, но оно не обязано показывать всё, в этом его честность – и его ложь. И тогда она открыла рот, и слова пришли сами, не из головы, а откуда-то изнутри, где полгода жила пустота и вот теперь наконец заговорила: – Некоторые правды... они не освобождают. Они просто заменяют – одну боль другой. И нужно быть очень осторожным, выбирая... с какой жить дальше. Я выбираю свою. Существо зашипело, стекло пошло трещинами – не снаружи, изнутри, будто кто-то давил на него с той стороны. – Ты вернёшься, – выдохнуло оно с холодом. – Вы все возвращаетесь, не сегодня – так через год, не через год – так через десять лет, и одиночество приведёт тебя обратно. Я запомнило тебя. Вера схватила свечу, пламя качнулось, коридор отражений дрогнул и начал схлопываться, а холод из зеркала потянулся было за ней – и отступил. – Нет, – сказала она. – Ты запомнило ту, какой я была, а её больше нет. И задула свечу.

Зеркало погасло, прихожая погрузилась в темноту, только мутный квадрат окна серел на стене, а тепло вернулось, начавшись от огарка в ладони и растекшись до плеч, до сердца, до кончиков пальцев. Она сидела не дыша, с огарком в дрожащей руке, и слушала тишину – полную, слишком полную, такой не бывает в старом доме, где всегда скрипят половицы и гудит ветер в трубе. Мир замер, ожидая её выбора, и она выбрала: встала, не глядя на зеркало, вышла на кухню, зажгла верхний свет – яркий, безжалостный, налила воды, выпила. Сняла цепочку с шеи, положила на стол, и кольцо блеснуло в электрическом свете – простое, серебряное, без камней. Она смотрела на него долго – минуту, две, пять, – потом взяла и убрала в шкатулку: не выбросила, не вернула, просто перестала носить на себе. Утром она проснулась с лёгкостью – странной, почти забытой, подошла к шкатулке, чтобы взглянуть на кольцо, и замерла: шкатулка была пуста. Она перерыла ящик, стол, пол вокруг – ничего, а когда подняла глаза, увидела его: кольцо лежало на тумбочке, прямо перед фотографией Кости, серебром вверх, без единой пылинки, блестящее, будто его кто-то положил – аккуратно, любовно, с той стороны стекла. Вера взяла его, и металл был тёплым – не от её рук, а сам по себе, будто его держали в ладони всю ночь. Она не испугалась, она поняла: зеркало не совсем ушло, в доме оставались другие стёкла – окна, дверца буфета, стеклянные банки на кухне, тёмный экран телефона, – и этого было достаточно, существо просачивалось

сквозь любой отблеск, а кольцо было его закладкой. Вместо того чтобы спрятать его снова, она достала конверт с ключами – тот самый, что приготовила для матери Кости, – и опустила кольцо туда же, запечатала, надресала адрес. Когда она опускала конверт в ящик у станции, ей показалось, что из тёмной щели на секунду пахнуло холодом – или ветром, или чужим дыханием, – но она разжала пальцы, и конверт упал в темноту.

Когда она вернулась в дом, зеркало было обычным, только следы пальцев на стекле остались – пять тёмных разводов, и она протёрла их тряпкой, но след не исчез до конца, будто грязь въелась в амальгаму изнутри. Она вызвала мастера и велела снять зеркало, но мастер долго возился: зеркало не хотело отходить от стены, словно вросло в неё корнями, и пришлось разбить. Осколки она собрала в мешок и отвезла на свалку, и по дороге ей показалось, что в одном из них мелькнуло лицо, но она не стала всматриваться. Дома она повесила на то место часы – обычные, круглые, с кукушкой, бабушкины, из чулана, и они шли ровно. Но иногда – раз в месяц, в полнолуние, когда свет падает под определённым углом, – в циферблате на секунду проступает не комната, а длинный коридор, и две свечи, и кто-то далёкий, кто всё ещё идёт к ней с той стороны. Она не гасит свет в такие ночи, не зажигает свечей, шторы остаются открытыми – она больше не прячется. Иногда, раз в месяц, в полнолуние, она садится напротив часов и смотрит в стекло, и сама не знает, чего

боится больше: что увидит там лицо или что не увидит. А однажды, в особенно тихую, морозную ночь, она заметила то, чего не замечала раньше: отражение комнаты в часовом стекле не совпадало с реальностью, в нём на стене висели не часы, а зеркало – то самое, целое, без единой трещины, вросшее в стену, как глазница в череп дома, и в нём, далеко-далеко, горела свеча. Вера не обернулась: она знала, что пока она смотрит только в стекло часов, зеркала за спиной нет, но оно ждёт, и однажды – в какую-нибудь особенно тихую святочную ночь – она обернётся. Потому что иногда мы держимся за мёртвых не из любви, а из страха, что без них мы никто, и нужно мужество, чтобы узнать: а кто ты без него? Вера пока не знала ответа, но она больше не носила кольцо, и впервые за полгода тиканье часов не было похоже на шаги – оно было похоже на сердце, живое, её собственное.

Колодец Энки

Шумерский миф об Абзу – подземном океане пресной воды, которым повелевает бог мудрости Энки. Абзу хранит память обо всём живом, но люди разучились его слышать.

Вода не должна гореть, но когда бур вошёл в пласт на глубине двухсот сорока метров, из скважины ударил свет – не отражённый, не преломлённый, а собственный, живой, пульсирующий золотом. Салах, старший бурильщик, отшатнулся от монитора и прошептал молитву, которую Алия не слышала от него ни разу за все три месяца работы в пустыне, хотя поводов для молитв у них хватало. На экране георадара расходилось кругами огромное золотое пятно, похожее на сердцебиение какого-то подземного существа, и датчики захлёбывались данными: температура падала, хотя на такой глубине должна была расти, солёность равнялась нулю, а там, где не могло быть ничего живого, что-то двигалось – медленно, тяжело, словно переворачивалось во сне. Воздух вокруг скважины вдруг запах озоном, как после грозы, только небо над пустыней было чистым и безоблачным. – Это не вода, – сказал Салах, и голос у него был такой, будто он уже всё понял и теперь только ждал подтверждения. – Это Абзу.

Алия отмахнулась, потому что она была гидрогеологом, а не студентом-фольклористом, и её компания «АкваТек Интернэшнл» получила контракт на поиск пресной воды в про-

винции Ди-Кар, где шумерские сказки ни при чём. Но когда она спустила зонд с камерой, изображение показало не подземное озеро, не водоносный горизонт, не что-либо из того, что она видела за пятнадцать лет работы, – оно показало свет. Жидкий, текучий, переливающийся золотом и лазурью, он поднимался по скважине, как вена, по которой течёт не кровь, а чистое сияние, и зонд перестал передавать сигнал. Алия выругалась, Салах перекрестился, а вода всё поднималась – беззвучно, неостановимо, – пока не показалась над обсадной трубой и не застыла стеклянной колонной, внутри которой плавали мелкие, как светляки, огни. – Никому не говори, – сказала Алия Салаху. – Слышишь? Никому. Но было уже поздно, потому что один из техников снимал всё это на телефон, и через час видео будет гулять по мессенджерам, а через день – по новостным каналам.

К вечеру в лагере установилась тишина – не рабочая, не усталая, а какая-то настороженная, словно все одновременно поняли, что привычный мир дал трещину, и теперь ждали, что из этой трещины появится. Алия сидела в своей палатке и пересматривала данные, которые с каждой минутой казались ей всё менее научными и всё более похожими на страницу из мифа: водоносный горизонт – миллионы кубометров, чистейшая вода, и этот невозможный, необъяснимый свет. Она написала в отчёте «аномалия», потом стёрла и написала «требуется дополнительное исследование», потом стёрла и это и просто закрыла ноутбук, потому что слово, которое

крутилось у неё в голове, было совсем не научным: вода вела себя так, будто знала, что за ней наблюдают. Ночью её разбудила тишина – генератор заглох, лагерь стоял без света и без привычного гула, только пахло пылью и сухой полыньёю, как пахнет в пустыне перед рассветом уже много тысяч лет. Но теперь к этим знакомым запахам примешивалось что-то новое, подземное, древнее – сырость, как из погреба, которого никто никогда не строил, и Алиа вышла из палатки. Над скважиной поднимался пар, свиваясь в узоры, которые не таяли и не развеивались ветром, а застывали на секунду, и в этих узорах она узнала клинопись. Шумерский язык она учила в университете в Мосуле – из чистого упрямства, потому что отец говорил «зачем тебе мёртвый язык, мёртвые не платят», а мать, помнившая бабушкины сказки, отвечала: «мёртвые не платят, но иногда они говорят». Теперь мёртвый язык ожил прямо у неё на глазах, и она разобрала первый знак – «вода», второй – «помнить», третий – «ты». «Я помню тебя», – гласила надпись, и от этого стало гораздо страшнее, чем если бы вода просто продолжала светиться.

Алиа попятилась, чувствуя, как песок под босыми ногами холодит кожу, хотя днём он накалялся так, что плавились подошвы ботинок. Из скважины больше не било сияние – теперь там теплился ровный, тихий свет, похожий на ночник, который мать оставляла в её детской, когда она боялась темноты и просила не закрывать дверь до конца. Она вернулась в палатку, села на койку и долго смотрела на свои дрожащие

руки, пытаясь совместить то, чему её учили пятнадцать лет, с тем, что она увидела сейчас: вода – это формула, вода – это ресурс, вода – это H_2O , но колодец узнал её, и от этого всё внутри переворачивалось. Утром приехала комиссия из Багдада – три микроавтобуса, люди в костюмах, военные с автоматами, и доктор Хади, советник министерства, полный мужчина в сером пиджаке, стоял у скважины и смотрел на воду с таким выражением, будто видел призрак. От него пахло дорогим одеколоном и потом – так пахнет человек, который привык решать проблемы, но не привык к тому, что проблемы не решаются. Он сказал, что вода непригодна, что это глубинная аномалия и что они должны сворачивать лагерь, а когда Алия возразила, что минералов – ноль и она трижды перепроверила приборы, он посмотрел на неё глазами, в которых она увидела не раздражение и не бюрократическое равнодушие, а самый настоящий, животный страх. «Есть вещи, которые не должны быть найдены, – сказал он, и голос его дрогнул. – Не потому что они опасны, а потому что мы не готовы». А потом он ушёл к машине, и кто-то из его свиты обронил странную фразу: «Третья за пять лет», – и осёкся, поняв, что сказал лишнее. Алия запомнила это, потому что если скважина была третьей, то где-то были ещё две, и где-то были люди, которые их нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.